

ФОРМИРОВАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ А.С. ПУШКИНА: ОТ «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ» И «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» К «СОВРЕМЕННОМУ»

Анализируются проблемы возникновения и реализации пушкинского журнального замысла. «Современник» 1836 г. рассматривается в контексте «Северных цветов» и «Литературной газеты», в соотношении с «Дневником 1833–1835 гг.», что позволяет говорить о формировании и воплощении в журнале культурно-философского концептуального пласта эпохи, о восприятии его в качестве не только литературной формы, но и формы времени.

«Стремление к собственному журналу растет у Пушкина постепенно, оно сочетается со сложными условиями литературной работы (борьба против монополии Булгарина и Греча), но к 1830-м годам журнал становится для Пушкина необходимостью, вызванной эволюцией его литературной деятельности», – констатировал еще Ю.Н. Тынянов [1. С. 165]. Издательские пробы Пушкина и его друзей в течение десятилетия до «Современника» отражают последовательную, целенаправленную работу по формированию журнального замысла.

Еще в 1824 г., во время Южной ссылки, Пушкин и Вяземский обсуждают необходимость создания журнала. В основе их размышлений лежит идея объединения лучших писателей эпохи. Так, 7 июня 1824 г. Пушкин пишет Вяземскому из Одессы: «То, что ты говоришь на счет журнала, давно уже бродит у меня в голове. <...> Мы одни должны взяться за дело и соединиться. <...> я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки. <...> Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в *репешке* – ничего легче б не было, если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера <...>» [2. Т. 8. С. 96–97, 528].

Стремление создать свою «кучку», группу писателей-единомышленников, которая станет во главе литературного процесса, понимание того, что развитие литературы напрямую связано с развитием журналистики, – в основе издательских замыслов Пушкина. Уже в 1824 г. Пушкиным были отмечены два основных требования к будущему печатному органу: с одной стороны, вокруг него должны быть объединены лучшие литературные силы, с другой – работа по выпуску журнала должна проводиться деятельностно и оперативно.

Точкой отсчета в формировании комплексной журнальной программы Пушкина считается период Северной ссылки, отмеченный напряженными раздумьями о соотношении творчества и жизни, осмыслением ближайших, исторических по значимости, событий (Отечественная война 1812 г., восстание декабристов), чтением огромного количества книг, ставших основой формирования сознания нового уровня. Важнейшей становится мысль о консолидации литературных сил в одном печатном органе, предпочтительно журнале [3. С. 104–105]. Письма Пушкина к П.А. Вяземскому, относящиеся к периоду Северной ссылки, отражают напряженные раздумья о собственном издании, в основе которых критический подход к современной периодике: <19 февраля 1825 г.>: «Что же Телеграф обетованный? <...> Прочие журналы все получаю – и более чем когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь «Edimboorg review» [2. Т. 13. С. 144]; <Конец марта – начало апреля 1825 г.>: «Занимает ли еще те-

бя российская литература? я было на Полевого очень ошетинился за Невск.<ий> Альм.<анах> и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, что должно непременно поддержать его журнал» [2. Т. 13. С. 159–160]; <20-ые числа апреля (не позднее 24) 1825 г.>: «Пожалуйста, ради меня, поддержи его (Дельвига. – Т.Ф.). Цветы на след. год. Мы все об них постараемся. Что мнишь ты о Полярной?..» [2. Т. 13. С. 166]; <10 августа 1825 г.>: «Когда-то мы возьмемся за журнал! мочи нет хочется, а покамест смотри хоть за Полевым» [2. Т. 13. С. 205]; <27 мая 1826 г.>: «Пора бы нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала – он находка» [2. Т. 13. С. 279].

Наряду с постоянной мыслью о собственном журнале, планами, заочным подбором возможных сотрудников принципиальна активная позиция Пушкина по отношению к существующим изданиям, стремление вписаться в журналистский контекст эпохи. Начиная с «Вестника Европы» у Пушкина по-разному складывались отношения с периодическими изданиями. На сегодняшний день исследователями в большей или меньшей степени освещены следующие проблемы: «Пушкин и «Сын Отечества», «Пушкин и «Полярная звезда», «Пушкин и «Мнемозина», «Пушкин и «Московский телеграф», «Пушкин и «Московский вестник», «Пушкин и «Северная пчела», «Пушкин и «Европеец», «Пушкин и «Библиотека для чтения» и т.д. Их разработка, безусловно, важна для обозначения доминант в исследовании деятельности Пушкина-издателя собственного журнала, однако, думается, особый издательский метод, используемый при создании «Современника», формировался и проходил апробацию прежде всего на базе «Северных цветов» и «Литературной газеты». В этом смысле линия «альманах – газета – журнал» принципиальна для обозначения путей формирования метода Пушкина-издателя.

Тесная связь между альманахом, газетой и журналом недвусмысленно оговорена в объявлении об издании «Литературной газеты» и заметке «От редакции» в III томе «Современника». Ср.: «Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в «Северных цветах», будут постоянно участвовать и в «Литературной газете» [4. С. 5] и «Современник» по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнений о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением «Литературной газеты» [5. Т. 3. С. 331]. Эти издания стали своеобразной лабораторией по выработке издательского метода. Характер каждого из них определя-

ется временем создания, они становятся литературными формами времени, необходимыми этапами в эволюции российской журналистики.

Расцвет альманашных изданий в 1820–1830-е гг. был определен пониманием чтения как потребности общества, и в этом смысле альманахи того времени, – действительно, «социокультурная форма». В сложной ситуации определения векторов развития национальной литературы альманах позволял «литераторам объединиться и совместно выйти на литературную арену, поддерживая друг друга, расширяя круг своих читателей» [6. С. 174]. Именно альманахи способствовали распространению в читательской среде лучших образцов отечественной словесности. При этом принципиальна роль альманаха в формировании жанра толстого журнала, который в конечном итоге и сменит его в процессе журнальной эволюции [6. С. 117].

Осознание значения альманаха как литературной формы не исключало негативного отношения Пушкина к альманашным изданиям. Так, в заметке 1827 г. «Об альманахе «Северная лира» им в одном абзаце будут отмечены отличительные черты современного альманашного издания: «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков – имя Баратынского, Вяземского, ругаются за успех Северной Лиры, первенца московских альманахов» [2. Т. 11. С. 48]. В диалогическом отрывке «<Альманажник>» (1830 г.) эта характеристика получит сатирическое заострение: «Увидишь, как пойдет наш Альманах: с моей стороны даю 34 стихотворения; под пятью подпишу А.П., под пятью другими Е.Б. под пятью еще К.П.В. Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое Обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь» [2. Т. 11. С. 137]. Неприятие Пушкина вызывает дилетантский подход к созданию литературных сборников: «<...> выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай сам. Выдумай заглавие, закажи в долг виньетку, да и тисни с богом» [2. Т. 11. С. 134].

Переписка Пушкина отражает процесс выработки основных подходов к современной журналистике: <П.А. Вяземскому (конец ноября – начало (не позднее 3) декабря 1825 г.) >: «Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт его побери) <...>» [2. Т. 13. С. 245]; <П.А. Катенину Первая половина февраля 1826 г.>: «Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. <...> Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edimburgh Review? Голос истинной критики необходим у нас» [2. Т. 13. С. 261]; <Н.М. Языкову 21 декабря 1826 г.>: «Рады ли вы журналу? пора задумать альманахи <...>» [2. Т. 13. С. 314]; <М.П. Погодину от 31 августа 1827 г.>: «Вы хотите издать Уранию!!! et tu, Brute!!!. Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, Вы!.. Нет, вы не захотите марать себе

рук альманашной грязью. У Вас много накопилось статей, которые не входят в журнал; но каких же? Quod licet Uraniae, licet тем паче М.<осковскому> вестнику; не только licet, но decet. <...> Ради бога не покидайте Вестника; на будущий год обещаю Вам безусловно деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашниками обеих столиц. Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными; стихотворная часть у нас слабая; проза м. б. еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для Урании? давайте ее в Вестник. К стати о повестях: они должны быть непременно существенной частью журнала, как моды у Телеграфа. У нас не то, что в Европе, – повести в диковинку» [2. Т. 13. С. 340–341].

Как видим, негативное отношение к альманаху наиболее ярко проявляется при размышлениях о существующем или потенциальном журнале. Приоритетным уже в 1826 г. называется издание, противоположное альманашному: «Edinburgh Review». Английские издания подобного типа характеризовались прежде всего тем, что были чисто критическими, они включали в себя исключительно рецензии на книги и различные издания, при этом были принципиально просто оформлены [7. С. 376]. Но уже при анализе писем становится очевидным, что Пушкину мыслился журнал иного типа. Отмечая важность развития истинной критики в письме к П.А. Катенину, через некоторое время в эмоциональном письме к М.П. Погодину Пушкин утверждает необходимость обязательного введения в журнал занимательной прозы, которая призвана смягчить «дельность» журнала, в данном случае «Московского вестника». Очевидно, что концепция собственного журнала, формирующаяся, что принципиально важно, в процессе участия в издании альманаха («Северные цветы») и журнала («Московский вестник»), сопрягается с общей концепцией литературного развития.

Концентрируя особое внимание на «Северных цветах» и «Литературной газете», что оправдано фактом собственно издательского опыта Пушкина именно в этих изданиях, необходимо обозначить особое место «Московского вестника» в процессе поиска Пушкиным журнальной формы нового типа. Начав сближение с редакцией «Московского телеграфа», Пушкин отходит от Полевого, сосредотачиваясь на сотрудничестве в издании Любомудров, что принципиально важно для обозначения доминант представлений Пушкина-издателя: перед ним стоит проблема сочетания в журнале коммерческого и концептуального, что тесно связано с его размышлениями о популяризаторской функции журнального органа.

История существования «Северных цветов» и сотрудничества в них Пушкина отражает его стремление максимально использовать пространство альманаха для реализации журнальных амбиций. Этот принцип максимальной реализации замыслов при минимальных возможностях публицистической формы станет определяющим при создании «Современника» в 1836 г. При этом логично стремление, насколько это возможно в рамках альманаха, более критично относиться к подбору материала для публикаций. Во время сотрудничества в «Северных цветах» и «Московском вестнике» в

сознании Пушкина уже сформировано представление о качествах альманашной и журнальной публикации, о чем свидетельствует методика отбора публикаций для «Северных цветов» 1825 г.: Пушкин отдает в «Северные цветы» послание к А. Керн, в то время как отрывок из «Бориса Годунова», который никто еще не видел, попадает в «Московский вестник», лицейское стихотворение «19 октября» как символ лицейского братства уходит к Дельвигу.

Разнообразие тем, жанров, авторских имен компенсировалось в альманахе ассоциативными связями, поддерживаемыми пластом биографических и литературных аллюзий. Так, В.Э. Вацура говорит об определенной аллюзионности постдекабрьских альманашных выпусков, тенденции к единству настроения и структуры журнально-альманашного текста [8. С. 4].

Показательными в этом смысле стали «Северные цветы» на 1828 г. Этот альманах был во многих смыслах пушкинский: книжка открывалась портретом Пушкина, ему принадлежал большой объем публикаций, он принимал деятельное участие в издании альманаха. Книжка на 1828 г. отличается от предыдущих выпусков более критическим подходом к подбору материалов, в ней почти нет случайных имен, при этом все сотрудники (А.С. Пушкин, Ф.Н. Глинка, В.Н. Григорьев, К.Ф. Рылеев и др.) связаны между собой «таинственной внутренней связью» [8. С. 118–122], в основе которой личная и литературная близость, отсюда и сходство жанров, единство мотивов.

Эта внутренняя связь, которая, правда, в меньшей степени будет основана на личной близости, в 1836 г. станет определяющей для издательской стратегии «Современника». В «Северных цветах» еще не наблюдается такой жесткой установки издателя на синтез, однако подборки пушкинских публикаций, особенно объемные в книжках на 1829 и 1830 гг., свидетельствуют об особом подходе к презентации автором произведений на страницах периодического издания.

Пушкин предоставляет для «Северных цветов» прозу и в большей степени поэзию. В формировании прозаического отдела альманаха важную роль играют всевозможные отрывки, выдержки, фрагменты, которые своей незаконченностью отчетливо отражают процесс формирования прозаических жанров, динамику словесной жизни эпохи. Все пушкинские прозаические публикации – отрывки: «Отрывок из письма к Д.» (1826), «Отрывок из писем, мысли и замечания» (1828), «IV глава из исторического романа» (1829), «Отрывок из литературных летописей» (1830). Эти отрывки, объединенные внутренней мотивной связью, отвечают важной для Пушкина установке на документ, свидетельства очевидцев, динамику мысли и факта. Здесь уже просматривается журналистский подход к словесному творчеству, литература проникает в журналистику, а журналистика – в литературу.

Можно проследить и некоторые связи между материалами Пушкина и других авторов. В «Северных цветах» на 1828 г. особым полемическим подтекстом заряжены публикации Н.И. Греча «О жизни и сочинениях Карамзина», А. Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания» и П. Плетнева «О стихотворениях Баратынского». Фрагмент о Карамзине, появившийся в

пушкинской статье в противовес официальной публикации Греча, позволял поставить вопрос об исторической преемственности, встать на защиту национальной культурной традиции, в этом смысле принципиальны переключки «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» и статьи Плетнева. Интересно соотносятся публикации в альманахе на 1829 г., где помещены «Петр Великий в морском походе из Петербурга к Выборгу» Ф. Булгарина с пометой «Исторический отрывок», «Три эпохи любви» Д. Веневитинова (подзаголовок «Отрывок из неоконченного романа») и пушкинская «IV глава из исторического романа», отразившая в названии синтез жанров исторического отрывка и романа, в полном объеме проявивший себя в период создания «Современника».

Эта тенденция сближения истории с философией рождает особый историософский текст в публикациях Пушкина на страницах периодических изданий. В этом смысле пушкинские размышления, нашедшие отражение в «Северных цветах», корреспондируют с его работой в кругу «Московского вестника». Как убедительно показала Ф.З. Канунова, именно на страницах этого журнала «поэт внимательно следит за развитием философско-исторической мысли», его «волновали не только отдельные конкретные темы русской и мировой истории, но общие проблемы исторического познания» [9. С. 61].

Ощутимо единство нарративных стратегий Пушкина на страницах как альманаха, так и журнала: 1) тенденция к концептуализации публикуемых материалов в направлении историософского дискурса; 2) синтез документально-исторического и художественного материала; 3) тяготение к фрагментарности (форма мыслей и замечаний, отрывков) как отражение незавершенности, процессуальности истории и исторического времени; 4) опора на традиции нарратологии Вальтера Скотта и французских историков эпохи Реставрации; 5) выработка «метафизического языка».

Все эти особенности пушкинского мышления и его нарративных стратегий способствовали как сближению литературы и журналистики, так и «журналистскому самоопределению». Выкристаллизовался тот тип периодического издания, который, не утрачивая масштаба энциклопедических изданий, был в то же время русским по характеру своей историософской концепции. Нравственный смысл истории определял метатекстовое пространство этой концепции. Перефразируя известные слова Пушкина о современном романе, можно сказать, что он размышлял о журнале, в котором бы «отразился век и современный человек изображен довольно верно...», о журнале, который бы шел в ногу *со временем*.

Подборки поэтических произведений Пушкина в «Северных цветах» неоднородны в жанровом отношении, но, что важно, уже здесь можно говорить о некоторой попытке подчинить набор поэтических публикаций в книжке альманаха общему объединяющему принципу. Так, в публикациях в книжке на 1828 г. («Отрывок из «Бориса Годунова»», «Граф Нулин», «Череп») отражен процесс прозаизации поэтических произведений. Лирический блок Пушкина в «Северных цветах» на 1829 г. подчинен общему настроению воспоминания и предчувствия. Анализируя состав «Север-

ных цветов» на 1829 г., подготовленных Пушкиным, А.С. Янушкевич акцентирует момент внутреннего свойства текста, «поэтического контекста», что позволяет говорить о «внутренней логике альманаха», своеобразного реквиема о событиях 1825 г. [10. С. 180–183].

«Северные цветы» как один из лучших литературных альманахов эпохи имел для Пушкина особое значение, прежде всего, как средство сплочения лучших литературных сил, глобализации их литературных позиций. По мысли Л.Г. Фризмана, эта идея в полной мере воплотилась в деятельности Пушкина-издателя альманаха «Северные цветы» на 1832 г. [11. С. 331]. Именно в этот период, совпавший с активными действиями по созданию собственной газеты, для Пушкина очень остро стояла проблема сохранения целостного авторского коллектива «Северных цветов», который в дальнейшем должен был перейти в редакционную группу предполагаемого издания.

В конце 1829 г. Дельвиг решил издавать «Литературную газету». Можно утверждать, что «Литературная газета» выросла из «Северных цветов», многолетний опыт работы по изданию альманаха вносит свой вклад в создание газеты. Расцвет «Северных цветов» только обострил понимание необходимости периодического издания иного типа, время параллельного существования альманаха и газеты обнажает интересный процесс смены доминант в развитии публицистических форм в сторону более динамичных, коммуникативно-ориентированных. «Северные цветы» органично переросли замкнутость, кружковость, иногда вынужденную, альманаха, и в 1830 г. соединились объективные и субъективные предпосылки для создания журнала или газеты, оперативной, массовой, доступной.

«Название газеты открыто провозглашало ее назначение, в то время как все современные ей издания не ставили столь открыто профессионально значимых задач» [4. С. 196]. По своей установке, духу, направлению это было оригинальное издание. Понятие «литература» в то время имело широкое значение и включало в себя представление о художественной словесности, научных и публицистических трудах. Это определило стратегию издателей газеты: важнейшей стала установка на просвещение. Работа над «Литературной газетой» потребовала от ее создателей иного издательского подхода; газета требовала оперативной подготовки материалов (она выходила раз в пять дней), большей злободневности, при этом находилась в жесточайших цензурных рамках.

«Литературная газета» выходила под именем Дельвига, но на разных этапах управление в свои руки брали Пушкин, Вяземский, Сомов. Пушкинский этап «Литературной газеты» принципиально важен для выработки издательских стратегий, используемых и во время создания «Современника». В «Литературной газете» Пушкин издатель, редактор, публицист, эти же роли он исполняет в «Современнике», и так же его издательская деятельность ограничена «статьями чисто литературными»: политический отдел в «Литературной газете» был запрещен.

Можно считать, что структура «Литературной газеты» повлияла на структуру «Современника». Декларируя разнообразие и занимательность, издатели газеты

выделяют пять отделов: «Проза», «Стихотворения», «Библиография русская и иностранная», «Ученые известия», «Смесь»; при этом постоянными объявляются только литературные произведения («Проза» и «Стихи»), «Библиография» и «Смесь». В «Современнике» Пушкин сохранил отделы «Стихотворения» и «Проза» и добавит библиографический отдел «Новые книги», отдел «Смесь» как признак издания частой периодичности не выделялся, но роль этого отдела в какой-то степени выполняли сноски и примечания «От издателя». В «Литературной газете» отдел «Смесь» так же в большей степени был заполнен издательскими примечаниями, в большинстве случаев авторами «Смеси» были Пушкин, Вяземский, Дельвиг, Сомов – на разных этапах издателя и редакторы газеты.

Период особо деятельного участия Пушкина, Вяземского, Сомова в создании газеты накладывал особый отпечаток на материалы и общий дух газетных номеров. Известно, что первые два месяца существования газеты (между отъездом Дельвига и приездом Вяземского в Петербург) Пушкин был главным редактором, следовательно, имел отношение к отбору и редактированию материалов. Кроме того, очевидно, что публикации Пушкина «сыграли особо важную роль в становлении “Литературной газеты” как органа писателей пушкинского круга, обозначив проблемы, занимавшие газету, и ее принципиальные взгляды на задачи и методы журнальной деятельности. Статьи Пушкина обозначили и самые формы журнальных выступлений, свойственные “Литературной газете”, пути использования их жанровых возможностей в осуществлении целей издания» [12. С. 91–92].

Из 110 публикаций первых 13 номеров – 29 пушкинских (правда, необходимо отметить, что авторство семи публикаций только предположительно пушкинское [14]). Для сравнения: во всех остальных номерах (691 публикация) помещено 13 собственно пушкинских материалов и 6 статей и заметок о его произведениях. Большой пласт издательских публикаций позволял создавать дух альманаха, газеты, журнала, прочерчивать издательские стратегии, обозначить важнейшие проблемы современности. В этом смысле вполне закономерно появление в «Современнике, литературном журнале, издаваемом А.С. Пушкиным» большого количества пушкинских публикаций, создание собственного концептуального текстового массива, пронизывающего журнальный текст. Год участия Пушкина в «Литературной газете» подготовил год существования «Современника». Скромный объем пушкинских публикаций в «Северных цветах» на 1831 г. – пять поэтических произведений – лишний раз доказывает приоритетность в его сознании в данный период газетно-журнального жанра.

Для Пушкина роль издателя альманаха, газеты, журнала определяющая, его профессиональные действия должны быть безупречны. Показательно в этом смысле письмо М.П. Погодину от 31 августа 1827 г.: «Еще слово: издание Урании, ей-богу, может, хотя и несправедливо, повредить Вам в общем мнении порядочных людей. <...> Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом. Лучше уж

прекратить издание; но сие было бы стыдно. Говорю вам просто и прямо, потому что вас искренно уважаю» [2. Т. 13. С. 341–342].

Выделенное высказывание принципиально для понимания издательской установки Пушкина в процессе создания «Современника». Это стремление к «совершенству» в издательской работе, так же как и в творчестве, четкое осознание уровня гражданской ответственности определит дух, содержание журнала 1836 г.

«Литературная газета» уже своим названием подчеркивала жанровую двойственность. Она скорее была газетой-журналом, при этом газетная составляющая давала массу преимуществ, среди которых возможность быстро реагировать на все события литературной жизни и печатать в рамках пяти отделов произведения различных жанров [13. С. 137], что невозможно было в альманахе. «Литературная газета» позволила, в отличие от «Северных цветов», представить разнообразие прозаических и, что более важно, публицистических жанров. Если проза «Северных цветов» воплощалась в отрывках, то основная жанровая характеристика публицистики в «Литературной газете» может быть отражена в названии статей П.А. Катенина «Размышления и разборы», которые связующим звеном прошли через три тома дельвиговской газеты. Большая часть пушкинских прозаических публикаций – библиографические описания и заметки в отделе «Смесь»: малый публицистический жанр более динамичен, злободневен, в нем газетный дух, поэтому, думается, на этом этапе он был более привлекателен для соредатора Дельвига. Позднее эта тенденция проявится в отношении Пушкина к составлению аннотаций для отдела «Новые книги» «Современника», который будет восприниматься как его самый журнальный – оперативный, современный – отдел.

Очевидно, что редакционная группа «Литературной газеты» исходила из установки на взаимопереключку материалов газеты, внутреннее единство, тематическое и концептуальное. М.П. Еремин отмечает объединяющие полемические мотивы и факты соположения материалов, тематически и полемически связанных, например связь заметки «Письмена Вавилонские» с заметкой Пушкина «О некрологии генерала Раевского», помещенной непосредственно перед последней [14. С. 37].

«Литературная газета» пронизана сквозными темами на уровне как одного номера, так и нескольких номеров. Так, явно прослеживается тема воспитания и просвещения: ей подчинены аннотации и разборы книг, посвященных детскому воспитанию, различных справочников и практических пособий, с ней связана тема путешествий, движения, развития, нашедшая воплощение в статьях. Первые тринадцать номеров, издаваемые Пушкиным, объединены исторической тематикой, события 1812 и 1825 гг., образы, судьбы их участников проступают сквозь материалы газеты. С 1-го по 11-й номер опубликованы сообщения о выходе «Некрологии генерала от кавалерии Н.Н. Раевского» (№ 1), аннотации «Истории русского народа» Н. Полевого (№ 4), романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (№ 5), подборка стихотворений Д. Давыдова, статьи о Наполеоне. В отдельный сюжет объединяются публикации Вяземского, посвященные Фонвизину, тексты самого Фонвизина. Важный полемический

характер имеют материалы, связанные с темой русско-турецкой войны, которые позволяют высветить важнейшую философскую идею Пушкина о мире и сострадании, просвещении и человечности, контрастирующую с всеобщим прославлением ратных подвигов в этой войне.

Выбранный тон полемики, темы, заявленные в «пушкинских» номерах «Литературной газеты», предопределяли круг материалов, опубликованных позднее. Это способствовало внутреннему единству газетного текста, который во многом стал черновым вариантом для формирования единого текстового пространства «Современника». Не случайно в журнале появятся имена авторов, которые выступят в «Современнике» с другим материалами, но со схожей коммуникативной задачей (П.А. Вяземский с критическими разборами, Д. Давыдов с публикациями о войне 1812 г., В. Тепляков с ориентальной проблематикой), проявятся и получат более масштабное освещение магистральные темы и идеи, волновавшие Пушкина еще в 1830 г., возникнет даже случай повторной публикации газетного материала («Военная грузинская дорога» и «Путешествие в Арзрум»).

Принципиальное значение «Литературной газеты», новаторский подход ее издателей проявились в яркой просветительской направленности, в утверждении гражданской позиции литератора, на суд читателя были представлены важнейшие вопросы политической, культурной, литературной жизни эпохи. «Публикации газеты во многом предвосхитили развитие литературы и литературной критики 30-х годов и готовили литературный процесс следующего десятилетия» [4. С. 206].

Участие в издании «Северных цветов», «Литературной газеты» знаменовало один из самых активных периодов творчества Пушкина-публициста. С 1832 г. до выхода первого номера «Современника» он напечатал только одну небольшую критическую заметку. При этом понятно, что на «Современник» он выходил с четким представлением о характере, структуре и содержании будущего журнала.

Письма 1831–1835 гг. свидетельствуют о сформированности издательского замысла: <П.А. Вяземскому 14 августа 1831 г.>: «Право надобно нам начать журнал, да какой? *Quartely*. В 3 месяца книжку, нет, книжищу выдадим <...>» [2. Т. 14. С. 208]; <П.А. Вяземскому 3 сентября 1831 г.>: «Ты пишешь о журнале: да, чорта с два! кто нам разрешит журнал? Ф.<он> Фок умер, того и гляди поступит на его место Н.И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четырехмесячный, третейской можно бы нам попробовать – одна беда: *без мод* он не пойдет, а *с модами* стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч. – совестно» [2. Т. 14. С. 220].

Черновое письмо к Бенкендорфу в апреле-мае 1835 г. становится репетицией к письму, после которого был разрешен «Современник», ср.: <А.Х. Бенкендорфу апрель-май 1835 г.>: «Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с “Северной пчелой”; что же касается статей чисто литературных (как то пространых критик, повестей, рассказов, поэм и т.п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я

хотел бы издавать их особо (по тому каждые 3 месяца, по образцу английских *Rewiew's*)» [2. Т. 16. С. 29, 370]; <А.Х. Бенкендорфу 31 декабря 1835 г.>: «Я желал бы в следующем, 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных *Reviews*» [2. Т. 16. С. 69].

Любопытно, что еще до отправления официального письма Бенкендорфу определены материалы, которые войдут в первый номер, и даже их месторасположение: <П.А. Плетневу не позднее 11 октября 1835 г.>: «<...> ты получил Путешествие от цензуры; <...> Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней альманах далеко может уехать; <...> Начнем альманах с Путешествия, присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов» [2. Т. 16. С. 55–56].

Перерыв с 1832 по 1835 г. позволял осмыслить предыдущий издательский опыт и издательские перспективы, этому помогали и неосуществленные замыслы политической газеты, и внимательный анализ существующих, появившихся за это время периодических изданий. В этом смысле интересно письмо к И.В. Киреевскому от 4 февраля 1832 г., в котором Пушкин, прочивший «Европею» большое будущее и воспринимающий его в качестве печатного органа лучших писателей, дает конкретные советы по изданию журнала, сорасположению материалов, их характеру: «До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны да сухи; кажется Европеец первый соединит дельность с заманчивостию. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках Вы напечатали две капитальные пиэсы Жуковского и бездну Языкова; это неуместная расточительность. Между Спящей Царевной и мышью Степанидой должно было быть по крайней мере 3 нумера. Языкова довольно было бы двух пиэс. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем да Павловым. <...> NB избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то-есть, перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку» [2. Т. 15. С. 9].

В контексте разговора о журнале как литературном факте очевидна особая роль номинаций периодических изданий – знаков эпохи, эволюция их названий, безусловно, определяется направлениями движения литературного процесса. Названия «Московский телеграф», «Московский вестник», «Московский наблюдатель», «Библиотека для чтения», «Европеец» и др. во многом определили характер этих журналов, специфику их содержания и полемическую тактику. Залогом коммерческого успеха «Библиотеки для чтения» стала ориентация на разнообразие и способность удовлетворить различные читательские вкусы, что, безусловно, является признаком хорошей библиотеки. Для субъекта (вестника, наблюдателя), образ которого вошел в названия московских журналов, характерна позиция отстраненности, это человек со стороны, наблюдающий и передающий; для актуализации информации Полевому был важен современный образ «телеграфа». Более персонализированным и концептуальным кажется название журнала И.В. Киреевского «Европеец».

Убедительных документальных свидетельств об источнике, авторстве и времени появления названия пушкинского журнала не существует. Принято считать, что название «Современник» восходит к журнальному замыслу Вяземского 1827 г. В этом смысле показателен вопрос Вяземского Пушкину в письме от 22 ноября 1827 г.: «Что наш *Современник* пойдет ли со временем?» [2. Т. 13. С. 348]. Б.В. Казанский в своей работе «Западные образцы «Современника» связывает генезис названий русских периодических изданий первой трети XIX в. с названиями западных изданий. Так, в годы создания пушкинского журнала в Париже издавался «*Le Contemporain*» («Современник»), о чем Пушкин должен был знать. По мысли исследователя, в выборе названия отразилась «подлинная европейская установка Пушкина на самое содержание и тон журнала» [7. С. 381].

Принципиально, что сама идея пушкинского журнала и его названия возникает более чем за десять лет до момента реализации этого замысла. Концептуальность названия, сохраненного Пушкиным спустя десятилетие после обсуждения его с Вяземским, определена самой эпохой, исторически оправданным повышением статуса отдельной личности. Словарь языка Пушкина фиксирует два значения слова «современник»: 1) лицо, живущее с кем-нибудь в одно время; 2) сверстник, человек одного поколения с кем-нибудь [15. Т. 4. 258]. Для понимания концепции журнала 1836 г., во многом обусловившей его единство, необходимо учитывать важность для Пушкина идеи связи времен, единства поколения: со-поколения, со-временника. Отсюда в полной мере Пушкиным осознается значение личностного восприятия эпохи, «выстраданного каждым права судить и осмыслить событие – событие, – общее для всех и неповторимое для каждого из его участников» [16. С. 7]. Симптоматично, что своим предполагаемым изданиям 1830-х гг. Пушкин дает названия «Дневник» и «Летописец». Если альманах Дельвига в своем названии акцентировал установку на собрание лучших, поэтических прежде всего, произведений – цветов русской поэзии и прозы, в названии «Литературной газеты» проявлена позиция просвещения, общественной направленности, то название «Современника», включая также и эти послы, ориентировало на первостепенное значение личности в эпохальном движении. Для концепции «Современника» принципиально важна установка на летописание эпохи, но не отстраненного, а пропущенного через личностное восприятие. Дневник, летопись позволяли сочетать личное и эпохальное.

По Пушкину, «журнал» – это: 1) дневник, тетрадь с ежедневной записью чего-нибудь; 2) периодическое издание [15. Т. 1. С. 804]. «Литературную газету» Пушкин называл журналом [17. С. 23]. 30-е гг. XIX в. – время неподдельного интереса к дневникам и запискам. Известен интерес Пушкина к мемуарным памятникам: он не оставляет без внимания записки Байрона (1825), Наполеона и Фуше (1825), настоятельно просит П.В. Нащокина начать свои мемуары (1830), интересуется «Воспоминаниями А.П. Ермолова» (1833), печатает статьи о «Записках Моро-де-Бразе». Именно в записках, дневниках Пушкин видел неоценимый источ-

ник информации, отражение времени, живое движение эпохи. Стремление сохранить картину того мира, в котором живет современник, нашло отражение уже в «Северных цветах». Пониманием исторической важности жизни конкретной личности пронизана «Литературная газета», в которой большое внимание уделено жизнеописанию Д.И. Фонвизина, появилось сообщение о публикации мемуаров Байрона. Исторические разыскания, журналистская деятельность, работа над «Евгением Онегиным» – энциклопедией русской жизни, ведение Пушкиным собственных дневниковых записей стали мощной эстетической, философской основой «Современника».

Дневник Пушкина 1833–1835 гг. очень важен для понимания основополагающих установок при создании журнала 1836 г. «По своему содержанию – это дневник свидетеля и участника общественной жизни страны. Текущая придворная жизнь Петербурга, новости государственного управления, вопиющие факты, характеризующие современный общественный строй, минувшие исторические события, перемежаются в нем историческими анекдотами и личными заметками» [18. С. 167]. В образцовых с точки зрения эдиционной практики изданиях «Дневника» Пушкина (одновременные издания В.Ф. Саводника [19] и Б.Л. Модзалевского [20]) показательна на первый взгляд диспропорция между объемом текста самого памятника (около 30 с.) и примечаниями к нему (около 400 с. у Саводника и 250 с. у Модзалевского). Но за этой видимой диспропорцией скрывается зримая позиция Пушкина – летописца эпохи 1833–1835 гг. Сгустки мысли, стилистическая точность и конкретность вбирают в себя масштабность исторического события. Пушкина интересует не только сам факт (беседа с молдавским господаром Суццо о Пестеле и этеристах, история гвардейского офицера фон Бринкера, беседа о русском флоте, беседы с Н.К. Загряжской о Екатерине, история с собственным камер-юнкерством, история семейства Безобразовых и т.д.), сколько образ времени, его тенденции. Комментаторы дневника почувствовали это, увидев в лаконичных, конспективных записях Пушкина «бездну пространства». За каждым из отмеченных фактов, их сцеплением, особой нарративной стратегией (устные рассказы современников об истории) открывается «грядущее прошлое», связь эпох и трагедия мыслящего современника. В предисловии к изданию Б.Л. Модзалевского комментатор заметил, что Пушкин «с жадностью ловил и запечатлевал в своем сознании и редкоострой памяти все впечатления бытия» [20. С. II], а автор вступительной статьи известный историк П.Е. Щеголев конкретизировал эту мысль: «Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее как на деталь картины, которую рисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь» [20. С. XIII]. Пушкин не случайно свой дневник постоянно называл «журналом» (по аналогии с известным «Journal du Marquis De Dangeau») [20. С. 81–82]; в самом тексте его «Дневника» журнальный дискурс все время выходит на поверхность: «Так я же сделаюсь русским Dangeau» [20. С. 5], «Вчера было совещание литературное у Греча об издании Русского “Conversa-

tion's Lexicon” <...> Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку» [20. С. 9], «Этот лексикон будет ни что иное как Северная пчела и Библиотека для чтения, в новом порядке и объеме» [20. С. 11], Сперанский «советовал мне писать историю моего времени» [20. С. 12], «Телеграф запрещен. <...> Жуковский говорит: Я рад, что Телеграф запрещен, хотя жалею что запрещен» [20. С. 12], «Гоголь по моему совету начал писать Историю русской критики» [20. С. 12], «В середу был у Хитровой – имел долгий разговор с Великим князем – Началось журналами...» [20. С. 23].

Дневник 1833–1835 гг. становится поистине прологом к «Современнику». Это своеобразный «его-документ», поведенческий текст, в котором намечается и вырабатывается стратегия и тактика будущего издания: предельный лаконизм выражения и пространство мысли, интерес к «истории моего времени» и к «истории русской критики», природа либерализма не как «пустой только маски» (слова, сказанные Пушкиным в связи с позицией Полевого), а как последовательной позиции журнала.

Одним словом, дневник Пушкина 1833–1835 гг. стал лабораторией нарождающегося «Современника». И дело здесь, конечно же, не в специальном и целенаправленном замысле. Проблема генезиса журнальной стратегии «Современника» глубже: она неразрывно связана с характером пушкинского мышления этого времени, с его нарративными стратегиями. И публицистика 1830-х гг., и «История Петра», и «История Пугачевского бунта», и незаконченная проза – все это звенья и этапы этого генезиса. Просто дневник как «человеческий документ» интимизировал эту проблему и перевел ее в плоскость творческой лаборатории.

Любопытно, что к середине 1832 г. относятся хлопоты Пушкина, собиравшегося издавать газету «Дневник» [21. С. 470]. Через несколько лет в своем журнале Пушкин в полной мере воплотит идею журнала-дневника, уже в названии определив себя издателем дневника современности: ««Современник», литературный журнал (читай – дневник), издаваемый Александром Пушкиным». При этом субъективный компонент названия пушкинского журнала принципиально важен для понимания издательской стратегии и статуса «Современника» в контексте русской литературы и журналистики.

Способы употребления слов «современник», «современный» и общий контекст времени, влюбленного в историю, позволяют посмотреть на «Современник» как на журнал, в котором воплотилась идея исторического развития и роль личности, современника, в этом процессе. Установка на дневниковость стала структурообразующей для пушкинского журнала.

С.Н. Глинка в письме Пушкину от 26 марта 1836 г. очень кратко и емко в одной формуле показал особую, по сравнению с другими периодическими изданиями, природу пушкинского журнала: «Ваш Современник будет *Сопотомственником*. Этот термин моего изобретения; но гения не изобретешь. Он [рождается] <?>» появляется под влиянием своей звезды и продолжает жить в потомстве» [2. Т. С. 98, 387]. В этой фразе отражено восприятие современниками единства субъективных и темпоральных коннотаций, рождает

мых названием и общим комплексом идей, проблем, нашедших отражение на страницах пушкинского журнала.

Пройдя десятилетний путь к собственному печатному изданию, получив разрешение на четыре тома статей чисто литературных, Пушкин за год издает журнал, концепция которого была в той или иной форме отработана в процессе издания «Северных цветов» и

«Литературной газеты» и сформирована во время работы над нереализованными замыслами. Рассмотрение «Современника» в контексте «Северных цветов» и «Литературной газеты» позволяет говорить о формировании и воплощении в журнале культурно-философского концептуального пласта эпохи, о восприятии его в качестве не только литературной формы, но и формы времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю.Н. Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1969. – С. 122–165.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. / А.С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949.
3. Лотман Ю.М. Пушкин / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб., 1995. – 253 с.
4. Литературная газета А.С. Пушкина и А.А. Дельвига 1830 года (№ 1–13). – М.: Сов. Россия, 1988. – 256 с.
5. «Современник», литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным: В 4 т. – СПб., 1836.
6. Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма / А.И. Рейтблат // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В.Э. Вацура. – М.: НЛЮ, 1995–1996. – С. 167–181.
7. Казанский Б.В. Западные образцы «Современника» / Б.В. Казанский // Пушкин: Временник пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 6. – С. 375–381.
8. Вацура В.Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина / В.Э. Вацура. – М.: Книга, 1978. – 288 с.
9. Канунова Ф.З. Пушкин в «Московском вестнике»: Некоторые проблемы истории / Ф.З. Канунова // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма: Сб. ст. к 80-летию проф. Ю.Н. Чумакова. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 59–65.
10. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского / А.С. Янушкевич. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 285 с.
11. Фризман Л.Г. А.С. Пушкин и «Северные цветы» / Л.Г. Фризман // Северные цветы на 1832 год. – М.: Наука, 1980. – С. 295–337.
12. Сидяков Л.С. Статьи Пушкина в «Литературной газете» и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов / Л.С. Сидяков // Болдинские чтения. – Горький, 1983. – С. 91–108.
13. Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина. 1830–1831. Указатель содержания / Е.М. Блинова. – М.: Книга, 1966. – 206 с.
14. Еремин М.П. В борьбе за высокую гражданственность / М.П. Еремин // Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А. Дельвига и А.С. Пушкина 1830–1831 гг. Указатель содержания. – М.: Книга, 1966. – С. 3–46.
15. Словарь языка Пушкина: В 4 т. – М.: АН СССР; Госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956–1961.
16. Фомичев С.А. «Несколько раз принимался я за ежедневные записки...» / С.А. Фомичев // Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 7–22.
17. Станько А.И. А.С. Пушкин – журналист, его размышления и разборы / А.И. Станько. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1999. – 136 с.
18. Левкович Я.Л. Пушкин-мемуарист / Я.Л. Левкович // Пушкин А.С. Дневники. Записки. – СПб.: Наука, 1995. – С. 163–206.
19. Дневник А.С. Пушкина (1833–1835 гг.). – М.; Пг., 1923. – 578 с.
20. Дневник Пушкина 1833–1835 / Под ред. и с объяснительными примечаниями Б.Л. Модзалевского и со статьей П.Е. Щеголева. – М.; Пг., 1923. – 275 с.
21. Гиллельсон М.И. А.И. Тургенев и его литературное наследство / М.И. Гиллельсон // Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). Сер. «Литературные памятники». – М.: Наука, 1964. – С. 441–504.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 апреля 2008 г.